

Зайцева Л. Г. Пути сообщения Верхнего Прииртышья XVII — начала XVIII веков по материалам «Хорографической книги» и «Чертежной книги Сибири» С. У. Ремезова / Л. Г. Зайцева, Д. С. Бобров // Научный диалог. — 2021. — № 12. — С. 344—362. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-344-362.

Zaitseva, L. G., Bobrov, D. S. (2021). Communication Routes of Upper Irtysh Region of 17th — Early 18th Centuries in “Horographic Book” and “Drawing Book of Siberia” by S. U. Remezov. *Nauchnyi dialog*, 12: 344-362. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-344-362. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-344-362

**Пути сообщения Верхнего
Прииртышья XVII — начала
XVIII веков по материалам
«Хорографической книги» и
«Чертежной книги Сибири»
С. У. Ремезова**

Зайцева Любовь Геннадьевна
orcid.org/0000-0003-1512-0200
zajcevalyuba2014@yandex.ru

Бобров Денис Сергеевич
orcid.org/0000-0001-6786-1321
кандидат исторических наук, доцент
кафедры отечественной истории
Института истории и
международных отношений
bds-eureka@yandex.ru

Алтайский
государственный университет
(Барнаул, Россия)

Communication Routes of Upper Irtysh
Region of 17th — Early 18th Centuries in
“Horographic Book” and “Drawing Book
of Siberia” by S. U. Remezov

Lyubov G. Zaitseva
orcid.org/0000-0003-1512-0200
zajcevalyuba2014@yandex.ru

Denis S. Bobrov
orcid.org/0000-0001-6786-1321
PhD in History, Associate Professor,
Department of National History, Institute
of History and International Relations
bds-eureka@yandex.ru

Altai State University
(Barnaul, Russia)

© Зайцева Л. Г., Бобров Д. С., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлена характеристика сухопутных коммуникаций Верхнего Прииртышья в структуре путей сообщения юга Западной Сибири на рубеже XVII—XVIII веков по данным хорографических чертежей С. Ремезова. Источниковый корпус исследования базируется на сохраняющих эвристическую значимость атласах тобольского изографа и опубликованных сведениях российских дипломатов. Повышение значимости маршрутов движения в Верхнем Прииртышье рассматривается в контексте динамики этносоциальной и политической ситуации в регионе. Особое внимание уделяется соотносению конкретных траекторий перемещения с физико-географическими (гидрологическими, геоморфологическими) и социально-политическими (монастырями, ставками правителей) объектами местности. Авторы предлагают собственную трактовку категории «путь», приводят оригинальную карту-схему путей сообщения в верхнем и части среднего течения Иртыша. Доказывается существование в Верхнем Прииртышье в раннее Новое время двух ключевых траекторий передвижения: (1) караванных троп, отходивших от Иртыша и соединявшихся в верховьях Чара; (2) пути от Калбинского хребта по западной равнине Зайсана мимо гор Орентау к Тарбагатайскому хребту и реке Эмель.

Ключевые слова:

пути сообщения; атласы С. У. Ремезова; хорография; Верхнее Прииртышье; Джунгарское ханство; монастыри; маршруты дипломатов.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The characteristics of land communications of the Upper Irtysh region in the structure of communications in the south of Western Siberia at the turn of the 17th—18th centuries, is described in the article according to the chorographic drawings of S. Remezov. The source corpus of the study is based on the atlases of the Tobolsk isographer, which retain heuristic significance, and the published information of Russian diplomats. The increasing importance of traffic routes in the Upper Irtysh region is considered in the context of the dynamics of the ethnosocial and political situation in the region. Special attention is paid to the correlation of specific trajectories of movement with physical-geographical (hydrological, geomorphological) and socio-political (monasteries, rulers' rates) terrain objects. The authors propose their own interpretation of the category "way", present an original map-scheme of communication routes in the upper and part of the middle reaches of the Irtysh. The existence of two key trajectories of movement in the Upper Irtysh region in early modern times is proved: the caravan paths that left the Irtysh and connected in the upper reaches of the Chara; the way from the Kalbinsky ridge along the western plain of the Zaisan past the Ortentau mountains to the Tarbagatai ridge and the Emel River.

Key words:

communication routes; atlases of S. U. Remezov; chorography; Upper Irtysh; Dzungar Khanate; monasteries; routes of diplomats.

Пути сообщения Верхнего Прииртышья XVII — начала XVIII веков по материалам «Хорографической книги» и «Чертежной книги Сибири» С. У. Ремезова

© Зайцева Л. Г., Бобров Д. С., 2021

1. Введение

К рубежу XVII—XVIII веков на юге Западной Сибири в условиях постепенного расширения российского влияния и усиления взаимодействия с автохтонным населением повысилась актуальность освоения маршрутов, использовавшихся в дипломатических и торговых целях. В стратегически важных узлах путей сообщения на формировавшейся русско-джунгарской границе возник ряд оборонительных сооружений. Активизация освоенческой политики государства в петровскую эпоху вынужденно проходила в условиях острого дефицита сведений о Сибири, в том числе наглядно-графического характера [Историко-географические образы, 2016, с. 43]. Для Верхнего Прииртышья, района, представлявшего для российской администрации существенный интерес в силу соединения здесь караванных путей из различных регионов Центральной Азии (Джунгария, Семиречье, «Бухария»), систематизированная информация относительно сухопутных коммуникаций нашла выражение в детальной (в масштабах XVII столетия) росписи объектов, значимых для передвижения, на хорографических чертежах Семена Ульяновича Ремезова.

Эвристический потенциал атласов С. Ремезова, положивших, по мнению Л. А. Гольденберга, начало систематическому планомерному изучению Сибири [Гольденберг, 1965, с. 132], в настоящий момент далеко не исчерпан. Чертежи южных окраин региона неоднократно использовались в исторических исследованиях при анализе формирования русско-джунгарской границы и этнографической ситуации [Бородаев и др., 2007, с. 48—57; Бородаев и др., 2015, с. 49—73, 85—87; Историко-географические образы, 2016, с. 43—45], гораздо реже — при изучении путей сообщения. В частности, А. В. Матвеев, затрагивая материалы хорографии при реконструкции системы передвижений в Омском Прииртышье раннего Нового времени и предшествующих периодов, пришел к выводу о высоком уровне стабильности траекторий до начала XVIII столетия [Матвеев, 2014]. Обращение к наследию тобольского изографа актуально и для авторских интерпретаций некоторых археологических объектов Верхнего Прииртышья [Смагулов, 2012, с. 13—15, 106—108].

Целью данной статьи является характеристика сухопутных коммуникаций Верхнего Прииртышья в структуре путей сообщения юга Западной Сибири на рубеже XVII—XVIII веков по данным хорографических атласов С. Ремезова. Под термином *путь* в исследовании понимается разовый или относительно устойчивый маршрут на местности. В гидрографии область Верхнего Иртыша ограничивается местом впадения р. Шаган [Ресурсы ..., 1969, с. 5], однако исторические характеристики региона (в частности, фактические пределы российского влияния) обуславливают отнесение к его рамкам и части Среднего Прииртышья (юго-восток современной Павлодарской области Республики Казахстан).

Территория верхнего бассейна Иртыша (включая оз. Зайсан) показана на четырех чертежах из «Хорографической чертежной книги Сибири» — первого из атласов С. Ремезова, составлявшегося в течение более 10 лет (1697—1711 годы) [Гольденберг, 1965, с. 82—89], а также на «Чертеже земли всей безводной и малопроходной каменной степи» и «Чертеже всех сибирских градов и земель» из «Чертежной книги Сибири» 1699—1701 годов [Хорографическая чертежная книга, 2011, л. 96—99; Чертежная книга, 2003, л. 42, 44]. В содержательном плане источники крайне близки, сведения о Прииртышье в них в большинстве своем дублируют друг друга, за исключением расхождений в некоторых названиях.

При составлении С. Ремезовым хорографических чертежей Верхнее Прииртышье изображалось как периферийное пространство в силу отсутствия здесь к концу XVII века городов как опорных пунктов и минимального количества «ясашных волостей», выступавших визуально-наглядным маркером российской границы [Бобров, 2011, с. 63—64]. В степных районах, населенных кочевыми племенами, приоритетными объектами становились значимые в политико-дипломатическом аспекте ставки джунгарских правителей, месторасположения их кочевий, а также основные траектории передвижения.

При анализе хорографических «карт» южных окраин Западной Сибири следует учитывать, что С. Ремезов составлял структуру гидрографической сети на основе свидетельств очевидцев, то есть косвенных данных, а не географической меридиональной сетки. В результате это объективно привело к тому, что проекции «прилегающих с юга к Сибири земель», как отмечал в свое время еще Г. Н. Потанин, отличались «запутанностью» [Потанин, 1883, с. 314]. Изограф был вынужден осуществлять сложную компилятивную работу, используя информацию, полученную из расспросных речей, отчетов посольств и т. д. Снижало достоверность получаемых сведений и затрудняло их интерпретацию как неизбежно субъективное видение информантов (однако оно же давало некоторые оригинальные ориентиры),

так и влияние языковых барьеров, обусловленных этнической и языковой пестротой населения предгорий Алтая. Одним из источников, использованных С. Ремезовым при составлении чертежей Верхнего Прииртышья, был статейный список посольства Федора Исаковича Байкова в Китай (1654—1658 годы), с которым хорограф мог ознакомиться в Тобольской приказной палате. В ремезовских атласах отчетливо проявляется наложение информации, представленной дипломатом, на более поздние сведения различного рода [Демидова и др., 1966, с. 147]. Г. Н. Потанин пришел к выводу об использовании описаний как минимум двух маршрутов при составлении чертежей территории, что привело к очевидному дублированию рек в изображении бассейна Черного Иртыша [Потанин, 1883, с. 316]. Л. А. Гольденберг, в свою очередь, замечал, что С. Ремезов был достаточно неплохо осведомлен о землях Джунгарского ханства не только из посольских и торговых материалов, но и из семейных преданий, поскольку его дед возглавлял посольство к хунтайджи Эрдени-Багатуру в 1640—1641 годах, а отец ездил в 1660 году к хошутскому Аблаю-тайджи [Гольденберг, 1976, с. 228].

Наряду с этими обстоятельствами затрудняют исследовательскую реконструкцию отсутствие единых ориентировки и масштаба чертежей, явная зависимость графической передачи контуров рек от формата (границ) листа, что усиливало искажения во взаиморасположении объектов. Характерными чертами восприятия географического пространства русскими дипломатами и путешественниками XVII—XVIII веков были ориентация на местности сообразно направлению собственного движения («по левую» и «по правую руку») и, следовательно, определение берегов реки относительно устья, а не истока — при условии движения вверх по течению. Так, в статейном списке Ф. Байкова «левый берег» Иртыша соответствует восточному (то есть географическому правому). Эта особенность явилась едва ли не главной причиной отмеченных Н. Ф. Демидовой и В. С. Мясниковым отдельных расхождений маршрута, обозначенного С. Ремезовым на чертеже, с письменными сведениями дипломата [Демидова и др., 1966, с. 150—151].

2. Ямышево в структуре транспортных коммуникаций Верхнего Прииртышья

«Соляная дорога», то есть путь вдоль течения Иртыша от Тобольска до Ямышева (современное оз. Калатуз Республики Казахстан), была достаточно хорошо известна к рубежу XVII—XVIII веков. Она функционировала с XVI столетия как одна главных магистралей Среднего Прииртышья и проходила сначала по левому берегу до Татмытской слободы, затем — по коренной террасе на правобережье, где было легче переправляться через многочисленные притоки Иртыша [Матвеев, 2003, с. 165; Матвеев, 2007,

с. 98—99]. Стремление русского правительства закрепить за собою Ямышевское озеро прослеживается с первой половины XVII века. Наряду с идеей централизованного снабжения ямышевской солью сибирских городов и острогов, с середины 1620-х годов правительственными кругами рассматривалась возможность установления регулярной торговли с «калмыцкими людьми». В 1626 году тобольским властям было предписано осуществить осмотр местности у Ямышева для строительства острога, в следующем десятилетии неподалеку от озера возникли первые укрепления (без постоянного гарнизона) [Каменецкий и др., 2010, с. 33]. П. А. Словцовым упоминается соляной поход из Тобольска в 1699 году к Ямышевскому и Коряковскому озёрам на 25 дощаниках под командой дворянина Фефилова, имевший своей задачей, помимо добычи соли, построить уже «три острожка» и «открыть ярмарку с калмыками на праве таможенном» [Словцов, 1886, с. 110; Бородавский и др., 2021, с. 14—15]. Таким образом, к началу XVIII века Ямышево стало одним из важнейших пунктов на Иртышской меридиональной магистральной, выполнявшим роль связующего звена и своеобразной «таможни» в экономических и политических взаимоотношениях России и Джунгарии. Значимость этого пункта подчеркнута и С. Ремезовым: на «Чертеже земли всей... каменной степи» название озера продублировано крупной надписью красного цвета (в отличие от других гидронимов).

Имевшиеся у тобольской администрации сведения о коммуникациях, уходивших на юг, в казахские / джунгарские владения, были отрывочны и условны. На «Чертеже грани Тарского города с уездами» обозначено, что «от Иртыша путь належит степью к калмыцкому Ердени контаише (хунтайджи Эрдэни-Багатур. — авт.), а ходу до него летом на лошедях и на вельбудах в шесть недель и болши. А осенним и зимным путем от него контаиши до Тарского города ходу двенатцать недель. А водяного пути от реки Иртышу к нему нет». Таким образом, в окрестностях Ямышева оканчивался водный путь для русских путешественников. От административного центра — города Тобольска — до Ямышева «вверх по Иртышу реке служилые люди на дощениках для соли доходят... в четыре недели» [Хорографическая чертежная книга, 2011, л. 166 об.]. Традиционные торгово-дипломатические сухопутные маршруты далее в степь пролегли в меридиональном направлении вдоль левого берега Иртыша от Тары мимо Белых вод (левобережная протока Иртыша южнее г. Аксу в районе р. Белой [Смагулов, 2012, с. 12]) на юг. В результате интенсификации проникновения русских служилых людей вверх по Иртышу активно стали использоваться траектории и на правобережье. Ориентирами на этих путях выступали как природные объекты, так и отдельные кочевья, культовые и оборонительные постройки ойратских племен, проживавших в Верхнем Прииртышье.

3. Реконструкция сухопутных маршрутов передвижения в Верхнем Прииртышье по атласам С. У. Ремезова

Иртыш только ниже современной д. Семиярки (окрестности г. Курчатова) имеет характер равнинной реки. Извилистые скалистые берега, многочисленные утесы, стремительное течение и перекаты, не достигавшие в некоторых местах и 1 м в глубину, делали его весьма затруднительным для судоходства в верхнем течении [Семенов-Тянь-Шанский, 1935, с. 275—279]. Вследствие этого традиционно предпочтение отдавалось сухопутному, а не водному сообщению.

С. Ремезовым отображены маршруты вдоль Иртыша на юг по правому и левому берегам. Первым пунктом после Ямыша в двух днях пути от озера выступает «Мани молбище Залово» — очевидно, ламаистская культовая постройка (рис. 1) (название появилось в связи с тем, что буддийское сооружение имело надпись — молитву-мантру «ом мани падме хум» [Потанин, 1883, с. 316]). Т. Н. Смагулов выдвигает версию, что под этим названием зафиксирован калмыцкий памятник, известный как Джалин-Обо [Смагулов, 2012, с. 107—108]. На левом берегу отмечено урочище «Кабалгасун», «мечать, город пустой». Появление мусульманского средневекового некрополя в долине среднего Иртыша связано как с благоприятными условиями для скотоводства в иртышской пойме, так и с наличием караванных дорог, северных ответвлений Великого Шелкового пути [Смагулов, 2012, с. 10, 99, 104—107, 132—133].

Рис. 1. Фрагмент течения Иртыша на чертеже из «Хорографической чертежной книги Сибири С. У. Ремезова» [Хорографическая чертежная книга, 2011, л. 97]

Кабалгасун с приходом в Прииртышье ойратов утратил свои изначальные функции, но сохранил значение как ориентир на традиционном маршруте вдоль Иртыша. С начала XVII века в источниках встречаются различные упоминания этого памятника в качестве важного пункта системы сообщений. Г. Ф. Миллер в своих трудах приводит грамоту воеводе Ф. Коркодинову, датированную 1616 годом, в которой говорится об урочище «Каменные мечети» в полутора днях пути от «Соленого озера» — Ямышева [Миллер, 2000, с. 274]. Расспросные речи И. Савельева, посла к дербетскому тайше Далай-Батыру (1617 год), упоминают «мечеть колмацких людей», известную как «Давыдово кладбище», в шести неделях пути от Тобольска вверх по Иртышу, откуда путь отряда поворачивал «направо» [Русско-монгольские отношения, 1959, с. 70]. В статейном списке Ф. Байкова указано, что в 1654 году после Белых вод спустя три дня его караван пришел к зданию «Кабал-Гасун» (в другом варианте — «Кабан-Гусан»). «Кирпич женой, пустая, дело старинное», — так охарактеризовал дипломат это сооружение [Текст ..., 1966, с. 116].

От Кабалгасуна (где существовал брод через Иртыш) расходились два направления караванных путей: основной маршрут в Джунгарию, соединявший Среднее Прииртышье с Тарбагатаем, Жетысу и Восточным Туркестаном, и Каркаралинская дорога (один из вариантов Великого меридионального пути), шедшая от Иртыша по долине р. Тундык к горам Ку, Каркаралы, откуда одна из траекторий выводила к р. Сарысу и далее к присырдарьинским оазисам, а другая — к реке Чу и древним городам Семиречья [Маргулан, 1997, с. 19; Артыкбаев, 2007, с. 55; Смагулов, 2012, с. 133].

Выше по течению С. У. Ремезовым указана переправа через Иртыш в районе урочища Долон-Карагай (на чертеже дан перевод — «семь сосен») на левобережье (окрестности современного с. Долонь на правом берегу Иртыша) несколько выше устья притока Иртыша, вытекающего из озера «Енкуль», располагавшегося, по указанию изографа, в «20 верстах ходу» (по видимости, от переправы). Т. Н. Смагулов отождествляет этот приток с р. Шаган, в районе нижнего течения которой расположено несколько небольших озер, возможно, в XVII веке имевших сток в реку [Смагулов, 2012, с. 12]. «Перевоз» на Долон-Карагае действовал и в XVIII столетии (например, он упомянут в расспросных речах И. Чередова) [Демидова и др., 1966, с. 150].

Обозначив путь далее по правому берегу Иртыша мимо протоки «Черные воды» (указано: «от белых вод до черных ходу 12 дней»), следующими ориентирами С. Ремезов отметил «коч тайша Аблай» и город «Булгана» («град Булгагана» на «Чертеже земли всей... каменной степи», вероятно, от калмыцкого «балгасун» — город [Конкашпаев, 1984, с. 112—118]) вблизи «камня Калма Тологои» («кочю Каматологой» на другом чертеже)

в междуречье «Малой Бешки» и «Угун-Кочира», с отметками «до Барабы ходу три дня» и «от семи сосен до Аблая ходу семь дней» (рис. 2). Соответствующие обозначения позволяют отождествить «кочевье» и «город» с известным буддийским культовым комплексом Аблай-хит (Аблайин-кит, Аблайкит), основанным в 1654 году тайджи Аблаем [Байпаков и др., 2017, с. 637] у юго-восточного склона горы Байга в межгорной долине вблизи устьев рек Талды и Талды-Булак (окрестности с. Алгабас, к югу от Усть-Каменогорска), притоков современной р. Сибинки, впадающей в Аблакетку (левый приток Иртыша). Известия об Аблай-хите С. Ремезов мог получить из статейного списка Ф. Байкова, заставшего строительство монастыря: «А на той речке Бешке Аблай-тайша делает город... а ставит тот город промеж гор каменных...» [Текст ..., 1966, с. 119].

Рис. 2. Фрагмент течения Иртыша и Аблай-хит на чертеже из «Хорографической чертежной книги Сибири С. У. Ремезова» [Хорографическая чертежная книга, 2011, л. 98]

Через владения Аблая-тайджи проходили пути русских торговых и дипломатических караванов, направлявшихся в Цинскую империю. В 1668 году тобольский воевода П. И. Годунов писал в Сибирский приказ, что русские караваны направлялись «от Ямыша де озера... через Аблаев улус и до Китай. А... из Аблаева улусу проваживали их до Китай Аблаевы люди на своих подводах...» [Русско-монгольские отношения, 1996, с. 196—197].

Посещение Ф. Байковым Аблай-хита, скорее всего, сделало известным новый вариант маршрута от Иртыша в долину Зайсана. В районе современного Усть-Каменогорска был брод, которым пользовались кочевые пле-

мена юго-западного Алтая [Потапов, 1953, с. 124]. Возможно, именно он обозначен на чертеже С. Ремезова между реками «Улан-Усун» и «Бешка». В таком случае «Улан-Усун» можно предварительно соотнести с р. Уланкой, впадающей в Иртыш с юга ниже Усть-Каменогорска. Одна из траекторий могла проходить от брода по долине р. Аблакетки и мимо Аблайхита, который, господствуя над Сибинскими озерами и речной долиной, прикрывал путь с запада в долину р. Таргын (приток р. Таинты) и далее к Иртышу [От Алтая, 2011, с. 131—132], а также в верховья Сибинки, откуда можно было попасть, например, в долину р. Былкылдак и к верховьям Чара (подобный маршрут подразумевается сообщениями Ф. Байкова).

При составлении чертежей С. Ремезов использовал уже устаревшие сведения: в течение почти 15 лет Аблай-хит являлся крупным культовым центром Джунгарии [Ерофеева, 2011, с. 336—337], но вследствие междоусобиц Аблай-тайджи покинул Верхнее Прииртышье [От Алтая ..., 2011, с. 136]. Ко времени составления атласа он уже умер. Следует отметить, что «город Булгана» как один из известных русским стационарных пунктов в ойратских кочевьях оказался локализован на территории владений Аблая в стороне от функционировавшего пути [Хорографическая чертежная книга, 2011, л. 98; Чертежная книга, 2003, л. 42]. Скорее всего, традиционный маршрут караванов, шедших из Российского государства, не затрагивал долину Сибинки, а проходил западнее Калбинского хребта сразу в ставку хошутского правителя.

Расположив Аблай-хит на правом берегу Иртыша, изограф был вынужден провести траекторию далее по правобережью этой реки и озера Нор-Зайсан, хотя, как указывает А. Ю. Огурцов, сложный ландшафт местности от Усть-Каменогорской крепости до Зайсана (каменные осыпи, скалы и труднопроходимая тайга) крайне затруднял передвижение на этом участке вплоть до конца XVIII века [Огурцов, 1999, с. 19]. Для реконструкции дальнейших направлений, указанных С. Ремезовым, необходимо рассматривать хорографические данные с учетом произошедшей «перестановки» берегов. Обозначенный на чертеже путь проходил через реку «Бешка», далее мимо «коч (к) Тархан даичи» к р. «Мов кочир» и тянулся от кочевья к кочевью вдоль условно «северного» берега оз. «Зайсан-Нор» («Кокоту-Нор»), пересекая вблизи устьев реки «Кара-Кочир», «Усун-Кочир», «Безар» (вероятно, приток р. Каргоба), «Улан-Кочир», «Удень», а затем вдоль, по всей видимости, Кара-Иртыша (не подписан) стремился вверх по течению и поднимался в Алтайские горы к «вершине обской» и озеру «Катыня» («оз. Кан» на «Чертеже земли всей... каменной степи»). Наименования некоторых из этих гидронимов, а также характер локализации кочевий («Аблаевы», «Контаишины», «коч. Кон тайша», «коч. Сенга») позволяют

соотнести их с современными реками западной Зайсанской равнины, где, по сведениям Ф. Байкова, в 1650-х годах находились кочевые ставки тайджи Аблая, хунтайджи Эрдени-Багатура и его детей, из которых отдельно назван Сэнгэ-тайджи [Текст ..., 1966, с. 119—120].

Таким образом, под указанной траекторией можно понимать один из маршрутов, проходивших от Калбинского хребта по западной равнине Зайсана к горам Тарбагатай, далее соединявшийся с путем, выводившим к Алтайским горам, откуда можно было попасть в бассейн Катунь (например, на карте Джунгарии Г. Рената показан путь от верховьев Черного Иртыша через горы в долину Аргута [Бородаев и др., 2007, с. 63]).

От Долон-Карагая Ремезовым отмечены два пути по левобережью Иртыша, которые расходились от урочища «Ак-Билюта» («ходу два дня» от переправы), расположенного «подле яру», предположительно в районе современного Семипалатинска (рис. 3). «Западная» траектория, минуя «озеро Соленое», поднималась по долине реки Чар и, пересекая его верхние притоки «Чарин-Карабута» («ходу пять день») и «Гурбан-Цар», проходила по горной местности мимо «камня Калма» с обозначенным строением и горы «Чегулук» («Чегулук» в Чертежной книге), минуя одноименную реку.

Рис. 3. Фрагмент верхнего течения Иртыша на чертеже из «Хорографической чертежной книги Сибири С. У. Ремезова» [Хорографическая чертежная книга, 2011, л. 98]

Караванный маршрут между горами с юга от Калбинского хребта в верховьях р. Чар упомянут как Ф. Байковым («А от речки Чогуляку до камени до Калмы ходу два дня... А от камени от Калмы до речки Чару ходу два дня») [Текст ..., 1966, с. 118], так и более поздними источниками XVIII века. На карте И. Унковского 1724 года отмечен путь вверх по долине р. Царчерен (Чар) и переход водораздела между горой «Тологой» и верховьем р. Чогулук (Шигилек) [Посольство ..., 1887]. Сведения журнала капитана довольно ярко характеризуют местность на этом участке пути: вершина «Голма-Толгой», стоящая «между гор» «в самом устье на

чистом месте», описана как «великая каменная сопка» высотой «около 100 сажень». Расстояние от нее до реки «Чоголок» занимало три часа [Посольство ..., 1887, с. 19—20]. Эти данные позволяют с высокой долей уверенности отождествить сопку «Голма-Толгой» (а следовательно, и ремезовские «Калма Тологой», «Калма») с горой Толагай (*Толагай* — казахское название куполовидных гор, сопков, как правило, отдельных. Толагай в Калбинских горах — вблизи Кокпекты, см.: [Койчубаев, 1974, с. 220—221]), расположенной вблизи правых притоков Шигилека. Указание данной вершины на хорографических чертежах показывает ее значимость как одного из маршрутных маркеров XVII века. Изображение С. Ремезовым «камня Калма Тологой» возле крепостной стены «города Булгана» может свидетельствовать о связи этих двух пунктов в системе передвижения, иначе говоря, путь от Аблай-хита лежал в сторону верховьев Шигилека к вершине Толагай. В то же время нельзя абсолютно исключать вероятность того, что соответствующее наименование могла носить одна из возвышенностей в ближайших окрестностях монастыря в долине Сибинки.

Таким образом, траектория пути в районе Калбинского хребта выглядела примерно следующим образом: поднимаясь по течению Чара до истоков (ручьи Айкашар и Березовый), караваны пересекали водораздел вблизи современной горы Каражал (Каражалские горы) и спускались вниз вдоль р. Толагай (западнее ее устья расположена одноименная вершина) в долины Малого, а затем Большого Шигилека. Вершина «Чегулулук» ремезовской «карты», очевидно, соответствует современной горе Байбура (южные отроги Калбинского хребта), на юго-западном склоне которой берет начало р. Большой Шигилек. Этот чертеж, как и предшествующие, содержит обратное обозначение ориентиров: гора «Чегулулук» изображена с правой стороны пути (при движении с севера), тогда как г. Байбура расположена восточнее русла Чара. Гора Толагай («Калма», «Калма Тологой») оказалась отмечена на чертеже дважды, на правом и левом берегах Иртыша. Река «Чегулулук» (Шигилек, вытекает на Зайсанскую равнину с южного склона Калбинских гор, приток Кокпекты) изображена впадающей в Иртыш ниже р. Бешка. Подобная же «участь» постигла р. «Бокон-Чегуляк» (Буконь), берущую начало также на южном склоне Калбы восточнее Шигилека и вливающуюся в Иртыш. Условное взаиморасположение этих водных объектов передано С. Ремезовым верно, но они смещены вниз по течению Иртыша.

Более «восточная» траектория от урочища «Ак-Билюта» изображена составителем чертежа тянувшейся по левому берегу Иртыша. Она пересекает р. Чар, подходит к кочевьям «коч тайша Тархан Гоча» (по всей видимости, тайджи Тархана, упомянутого в докладе тобольского воеводы А. Буйносова-Ростовского в конце 1650-х годов [Златкин, 1983, с. 136]) у р. «Бо-

кон Чегуляк» и «коч лаба Учюртин» («коч лаба Учюртин») у р. «Чегулук», за которым сливается с путем, ведущим от брода через Иртыш (чуть ниже устья Бешки), поднимается вверх по р. «Гурбан-чар» (с комментарием «Иртыш остался влеве») и «уходит» в «камень Тарбагатай». Если отмеченная изографом «третья река Гурбан чар» — это дублированное изображение Чара (у которого «Гурбан-царом» названо верхнее течение), то в этом случае маршрут вдоль него на чертеже воспроизведен дважды. «Коч лаба Учюртин» представляется вероятным отождествить с буддийским монастырем Дархан-цорджин-хит [Потанин, 1868, с. 18], существовавшим на правом берегу Иртыша, сведения о котором приведены в статейном списке Ф. Байкова: «А живет тот калмыцкой лаба подле реки Иртыша на левой стороне (монастырь находился на географическом правом берегу Иртыша. — Л. З., Д. Б.). Поставлены у него две палаты бурханные кирпичные... А пашни у того лабы пашут бухарцы» [Текст ..., 1966, с. 116]. Н. В. Цыремпилов выдвигает предположение, что этот объект мог находиться под патронажем Очирту-Цэцена, старшего брата Аблая-тайджи [Цыремпилов, 2018, с. 42]. Общей точкой для изображенных Ремезовым траекторий, идущих по рекам «Чар» и «Гурбан-чар», является урочище «Абдара-мудун», упомянутое также и И. Унковским как место, где «караул калмыцкой бывал» [Посольство, 1887, с. 20], и скорее всего располагавшееся в окрестностях гор Ортентау в Зайсанской котловине.

Итак, в верховьях Чара сходились две траектории: от брода в районе современного Усть-Каменогорска по долинам Аблакетки, Сибинки (мимо Аблай-хита) и от Долон-Карагая по р. Чар, далее — к горам Тарбагатай и р. Эмель.

В связи с перемещением С. Ремезовым рек Зайсанской равнины на противоположный берег Зайсана правые притоки Иртыша «Бохтурма» (Бухтарма) и «Богшурма» (вероятно, р. Курчум или Нарым) оказались изображены впадающими в озеро Зайсан условно с южной стороны. На «Чертеже земли всей... каменной степи» обе реки подписаны одинаково «Бохтурма». Трудности передвижения вверх по течению вдоль правого берега Иртыша и удаленность водных объектов от траекторий дипломатических поездок в Джунгарию и Китай обусловили слабую осведомленность русских об этих местах.

4. Заключение

Таким образом, атласы С. У. Ремезова отразили известные отечественным служилым людям, дипломатам и путешественникам на конец XVII века и значимые для сношений с регионами Центральной Азии и Восточным Туркестаном пути передвижения в Верхнем Прииртышье, сре-

ди которых доминировали различные вариации следования вдоль Иртыша к Калбинским горам, далее к хребту Тарбагатай. Отображенные на картографических чертежах маршруты были представлены двумя ключевыми траекториями (рис. 4): 1) караванные тропы, отходившие от Иртыша и соединявшиеся в верховьях Чара (от района современного Усть-Каменогорска по долинам Аблакетки и Сибинки (мимо Аблай-хита) и от Долон-Карагая по р. Чар); 2) путь от Калбинского хребта по западной равнине Зайсана мимо гор Ортентау к Тарбагатайскому хребту и далее к реке Эмель.

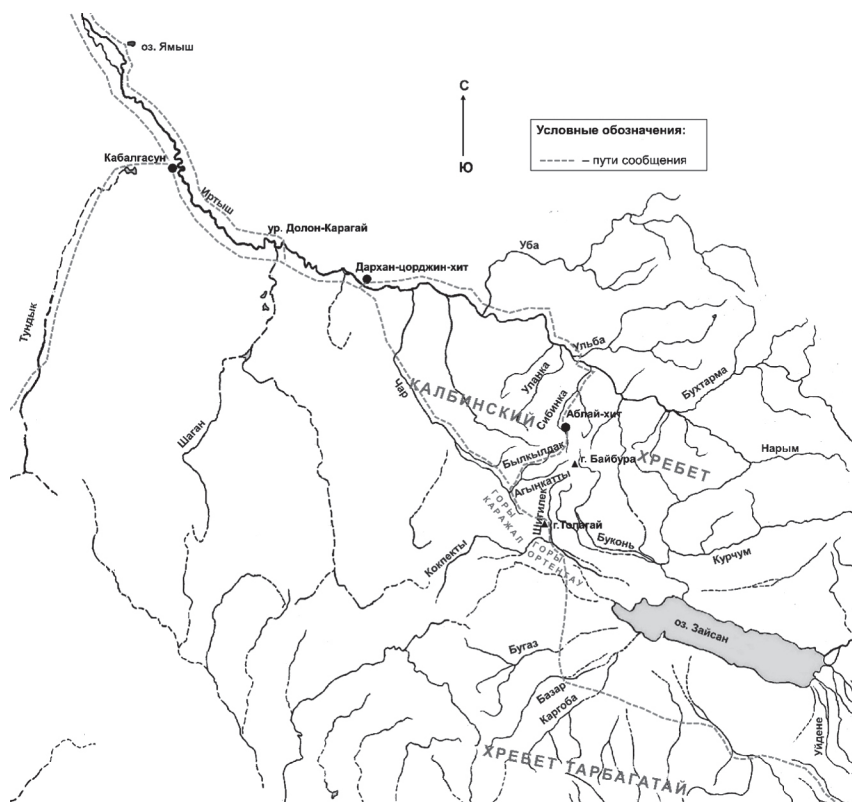

Рис. 4. Карта-схема путей сообщения Верхнего Прииртышья, отмеченных на чертежах С. У. Ремезова. Авторская реконструкция.

Источники

1. *Посольство к зюнгарскому хун-тайчи Цэван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722—1724 годы* / сост. Н. И. Веселов-

ский. — Санкт-Петербург : Типография В. Киршбаума, 1887. — XLVI, 277 с. (Записки Императорского Русского географического общества по отд. этнографии. Т. 3, вып. 2).

2. Ремезов С. У. Хорографическая чертежная книга Сибири С. У. Ремезова / С. У. Ремезов. — Тобольск : Фонд Возрождение Тобольска, 2011. — 344 с.

3. Ремезов С. У. *Чертежная* книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Ремезовым в 1701 году / С. У. Ремезов. — Москва : Федеральная служба геодезии и картографии России; Российская государственная библиотека, 2003. — Том 1. — 48 л.

4. *Русско-монгольские* отношения. 1607—1636 : сборник документов / сост. Л. М. Гатаулина, М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук. — Москва : Восточная литература, 1959. — 352 с.

5. *Русско-монгольские* отношения. 1654—1685 : сборник документов / сост. Г. И. Слесарчук. — Москва : Восточная литература, 1996. — 559 с.

6. Текст статейного списка Ф. И. Байкова // Демидова Н. Ф. Первые русские дипломаты в Китае / Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников. — Москва : Наука, 1966. — С. 113—144.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аблайкит*: второй год комплексных исследований / К. М. Байпаков, Д. А. Воякин, И. В. Ерофеева, Е. С. Казизов // Мир Большого Алтая. — 2017. — № 3 (4). — С. 634—665.

2. *Артыкбаев Ж. О.* «Галданова кумирня» и вопрос о памятниках калмыков на территории Казахстана / Ж. О. Артыкбаев // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. — 2015. — № 3. — С. 277—288.

3. *Артыкбаев Ж. О.* Великий меридиональный путь / Ж. О. Артыкбаев // Среднее Прииртышье в контексте проблем истории Евразийских степей. — Павлодар : НПФ «ЭКО», 2007. — Том 1. — С. 53—64.

4. *Бобров Д. С.* Эволюция государственного взгляда на процесс освоения Алтая в первой половине XVIII в. через призму изменения специфики картографического материала / Д. С. Бобров // Кабинетская модель управления хозяйством и эксплуатации природных ресурсов Алтая в XVIII — начале XX века. — Барнаул : Азбука, 2011. — С. 62—70.

5. *Бородаев В. Б.* Исторический атлас Алтайского края: картографические материалы по истории Верхнего Приобья и Прииртышья (от античности до начала XXI в.) / В. Б. Бородаев, А. В. Контев. — Барнаул : Азбука, 2007. — 214 с.

6. *Бородаев В. Б.* Формирование Российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620—1720 гг. / В. Б. Бородаев, А. В. Контев. — Барнаул : Издательство Алтайского государственного педагогического университета, 2015. — 415 с.

7. *Бородовский А. П.* Соляной Поворот на Среднем Иртыше (станция, редут, станция на Иртышской оборонительной линии XVIII—XIX вв.): учебное пособие / А. П. Бородовский, П. В. Чибышев. — Омск; Новосибирск : Апостроф, 2021. — 124 с.

8. *Гольденберг Л. А.* Семен Ульянович Ремезов — сибирский картограф и географ / Л. А. Гольденберг. — Москва : Наука, 1965. — 262 с.

9. *Гольденберг Л. А.* Статья С. У. Ремезова «О калмыках, как весьма известном в Сибири народе» / Л. А. Гольденберг // Страны и народы Востока. — 1976. — Выпуск 18. — С. 228—233.

10. *Демидова Н. Ф.* Комментарии к тексту статейного списка / Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников // Первые русские дипломаты в Китае («Роспись» И. Петлина и статейный список Ф. И. Байкова). — Москва : Наука, 1966. — С. 87—112.

11. *Ерофеева И. В.* Религиозно-культурные центры тибетского буддизма на территории Восточного Казахстана в XVII — середине XVIII в. / И. В. Ерофеева // Буддизм

Ваджраяны в России: от контактов к взаимодействию : материалы II Международной научно-практической конференции. — Москва : Алмазный путь, 2011. — С. 333—344.

12. *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства / И. Я. Златкин. — Москва : Наука, 1983. — 332 с.

13. *Историко-географические образы Алтая в трудах ученых, путешественников и чиновников XVIII — начала XX в.* / под ред. Т. Н. Соболевой, Д. С. Боброва. — Барнаул : Азбука, 2016. — 440 с.

14. *Каменецкий И. П.* Озеро Ямыш как зона политического и хозяйственного взаимодействия народов в XVII в. / И. П. Каменецкий, Д. Я. Резун // Гуманитарные науки в Сибири. — 2010. — № 2. — С. 32—35.

15. *Койчубаев Е.* Краткий толковый словарь топонимов Казахстана / Е. Койчубаев. — Алма-Ата : Наука, 1974. — 274 с.

16. *Конкашпаев Г. К.* Некоторые сведения о пребывании ойратов на территории Казахстана / Г. К. Конкашпаев // Проблемы этногенеза калмыков. — Элиста : Респ. тип-я Гос. комитета Калмыцкой АССР, 1984. — С. 112—118.

17. *Маргулан А. Х.* Древние караванные пути через пустыню Бетпак дала / А. Х. Маргулан // Мир казаха. — Алматы : Ин-т развития Казахстана, 1997. — С. 16—30.

18. *Матвеев А. В.* История сухопутных путей сообщения Омского Прииртышья (Средневековые — Новое время) / А. В. Матвеев. — Омск : Наука, 2014. — 268 с.

19. *Матвеев А. В.* Опыт локализации участка Иртышского средневекового меридионального пути / А. В. Матвеев // Средневековая археология евразийских степей. — Казань : Институт истории АН РТ, 2007. — Том 1. — С. 96—103.

20. *Матвеев А. В.* Сухопутные маршруты передвижения населения Среднего Прииртышья XVII — первой трети XVIII века по данным письменных, картографических источников и этнографии / А. В. Матвеев // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. — 2003. — Том 10. — С. 163—169.

21. *Миллер Г. Ф.* История Сибири / Г. Ф. Миллер. — Москва : Научная литература, 2000. — Том 2. — 796 с.

22. *Огурцов А. Ю.* Иртышская пограничная линия / А. Ю. Огурцов // Кузнецкая старина. — Новокузнецк : Кузнецкая крепость, 1999. — Выпуск 3. — С. 19—35.

23. *От Алтая до Каспия.* Атлас памятников и достопримечательностей природы, истории и культуры Казахстана : в 3 томах. — Алматы, 2011. — Том 1. — 584 с.

24. *Потанин Г. Н.* О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII столетии / Г. Н. Потанин. — Москва : Унив. тип. (Катков и к°), 1868. — 93 с.

25. *Потанин Г. Н.* Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Чертежная книга Сибири / Г. Н. Потанин // Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). — 1883. — Часть 227. — С. 300—319.

26. *Потапов Л. П.* Очерки истории алтайцев / Л. П. Потапов. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1953. — 444 с.

27. *Ресурсы поверхностных вод СССР.* — Ленинград : Гидрометеиздат, 1969. — Том 15: Алтай и Западная Сибирь. — Выпуск 1, Часть 1. — 439 с.

28. *Семенов-Тянь-Шанский В.* Иртыш / В. Семенов-Тянь-Шанский, Н. Яницкий // Большая советская энциклопедия (БСЭ). — Москва : Советская энциклопедия, 1935. — Том 29. — С. 275—279.

29. *Словцов П. А.* Историческое обозрение Сибири / П. А. Словцов. — Санкт-Петербург : Тип. И. Н. Скороходова, 1886. — Книга 1. — 326 с.

30. Смагулов Т. Н. Калбасунская башня / Т. Н. Смагулов; отв. ред. Б. А. Байтанаев. — Алматы, 2012. — 158 с.
31. Цыремпилов Н. В. Хозяин Аблайкита. Кто и зачем построил монастырь на Иртыше? / Н. В. Цыремпилов // Вестник Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева. Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение. — 2018. — № 4 (125). — С. 28—53.
32. Черников С. С. Памятники архитектуры ойрат-калмыков (материалы) / С. С. Черников // Мир Большого Алтая. — 2008. — № 4 (2). — С. 321—339.

MATERIAL RESOURCES

- Gataullina, L. M., Golman, M. I., Slesarchuk, G. I. (eds.). (1959). *Russian-Mongolian relations. 1607—1636: collection of documents*. Moscow: Eastern Literature. 352 p. (In Russ.).
- Remezov, S. U. (2003). *Drawing book of Siberia, compiled by the Tobolsk boyar's son Remezov in 1701, I*. Moscow: Federal Service of Geodesy and Cartography of Russia; Russian State Library. 48 p. (In Russ.).
- Remezov, S. U. (2011). *Chorographic drawing book of Siberia S. U. Remezov*. Tobolsk: Fund Revival of Tobolsk. 344 p. (In Russ.).
- Slesarchuk, G. I. (eds.). (1996). *Russian-Mongolian relations. 1654—1685: collection of documents*. Moscow: Eastern Literature. 559 p. (In Russ.).
- The text of the article list of F. I. Baikov. (1966). In: Demidova, N. F. *The first Russian diplomats in China*. Moscow: Nauka. 113—144.
- Veselovsky, N. I. (ed.). (1887). *The embassy to the Zyungar hun-taichzhi Tsewang Rabtanu of the artillery captain Ivan Unkovsky and his travel log for 1722—1724*. St. Petersburg: V. Kirshbaum's printing house. 277 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Artykbaev, Zh. O. (2007). Great meridional path. In: *Middle Irtysh region in the context of problems of the history of the Eurasian steppes, I*. Pavlodar: EKO. 53—64. (In Russ.).
- Artykbaev, Zh. O. (2015). “Galdan’s idol” and the question of the monuments of the Kalmyks on the territory of Kazakhstan. *Problems of ethnic history and culture of the Turkic-Mongol peoples*, 3: 277—288. (In Russ.).
- Baipakov, K. M., Voyakin, D. A., Erofeeva, I. V., Kazizov, E. S. (2017). Ablaykit: the second year of complex research. *World of Greater Altai*, 3 (4): 634—665. (In Russ.).
- Bobrov, D. S. (2011). Evolution of the state view on the process of the development of Altai in the first half of the 18th century through the prism of changing the specifics of cartographic material. In: *Cabinet model of economic management and exploitation of natural resources of Altai in the 18th — early 20th centuries*. Barnaul: Azbuka. 62—70. (In Russ.).
- Borodaev, V. B., Kontev, A. V. (2007). *Historical Atlas of Altai Territory: Cartographic Materials on the History of the Upper Ob and Irtysh Region (from Antiquity to the Beginning of the XXI Century)*. Barnaul: Azbuka. 214 p. (In Russ.).
- Borodaev, V. B., Kontev, A. V. (2015). *Formation of the Russian border in the Irtysh-Yenisei interfluvium in 1620—1720*. Barnaul: Altai State Pedagogical University Publishing House, 2015. 415 p. (In Russ.).

- Borodovsky, A. P., Chibyshev, P. V. (2021). *Solyanoy Turn on the Middle Irtysh (station, re-doubt, village on the Irtysh defensive line of the 18th—19th centuries): textbook*. Omsk; Novosibirsk: Apostrophe. 124 p. (In Russ.).
- Chernikov, S. S. (2008). Architectural monuments of the Oirat-Kalmyks (materials). *World of the Greater Altai*, 4 (2): 321—339.
- Demidova, N. F., Myasnikov, V. S. (1966). Comments to the text of the article list. In: *First Russian diplomats in China*. Moscow: Nauka. 87—112. (In Russ.).
- Erofeeva, I. V. (2011). Religious and cult centers of Tibetan Buddhism on the territory of East Kazakhstan in the 17th — mid-18th centuries. In: *Vajrayana Buddhism in Russia: from contacts to interaction: materials of the II International scientific-practical conference*. Moscow: Almazny way. 333—344. (In Russ.).
- From Altai to the Caspian Sea. Atlas of monuments and sights of nature, history and culture of Kazakhstan*, 3/1. (2011). Almaty. 584 p. (In Russ.).
- Goldenberg, L. A. (1965). *Semyon Ulyanovich Remezov — Siberian cartographer and geographer*. Moscow: Nauka. 262 p. (In Russ.).
- Goldenberg, L. A. (1976). Article by S. U. Remezov “About the Kalmyks, as a very famous people in Siberia”. *Countries and peoples of the East*, 18: 228—233. (In Russ.).
- Kamenetsky, I. P., Rezun, D. Ya. (2010). Lake Yamys as a zone of political and economic interaction of peoples in the 17th century. *Humanities in Siberia*, 2: 32—35. (In Russ.).
- Koichubaev, E. (1974). *Concise explanatory dictionary of toponyms of Kazakhstan*. Almaty: Nauka. 274 p. (In Russ.).
- Konkashpaev, G. K. (1984). Some information about the presence of the Oirats on the territory of Kazakhstan. In: *Problems of the ethnogenesis of the Kalmyks*. Elista: Rep. type-I State. Committee of the Kalmyk ASSR. 112—118. (In Russ.).
- Margulan, A. Kh. (1997). Ancient caravan routes through the Betpak dala desert. In: *World of Kazakhs*. Almaty: Institute of Development of Kazakhstan. 16—30. (In Russ.).
- Matveev, A. V. (2003). Land routes of movement of the population of the Middle Irtysh region of the 17th — first third of the 18th century according to written, cartographic sources and ethnography. *Bulletin of the Omsk State Museum of History and Local Lore*, 10: 163—169. (In Russ.).
- Matveev, A. V. (2007). Experience in localizing a section of the Irtysh medieval meridional path. *Medieval archeology of the Eurasian steppes*, 1. Kazan: Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. 96—103. (In Russ.).
- Matveev, A. V. (2014). *History of overland communication routes of the Omsk Irtysh region (Middle Ages — New time)*. Omsk: Nauka. 268 p. (In Russ.).
- Miller, G. F. (2000). *History of Siberia*, 2. Moscow: Scientific literature. 796 p. (In Russ.).
- Ogurtsov, A. Yu. (1999). Irtysh border line. In: *Kuznetsk antiquity*, 3. Novokuznetsk: Kuznetsk Fortress. 19—35. (In Russ.).
- Potantin, G. N. (1868). *On caravan trade with Dzungarian Bukharia in the 18th century*. Moscow: Univ. type of. (Katkov and co). 93 p. (In Russ.).
- Potantin, G. N. (1883). Travel through Siberia from Tobolsk to Nerchinsk and the borders of China by the Russian envoy Nikolai Spafari in 1675. Drawing book of Siberia. *Journal of the Ministry of Public Education (JMNP)*, 227: 300—319. (In Russ.).
- Potapov, L. P. (1953). *Essays on the history of the Altaians*. Moscow; Leningrad: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR. 444 p. (In Russ.).
- Semenov-Tyan-Shansky, V., Yanitsky, N. (1935). Irtysh. In: *Great Soviet Encyclopedia (TSB)*, 29. Moscow: Soviet Encyclopedia. 275—279. (In Russ.).

- Slovtsov, P. A. (1886). *Historical review of Siberia, I*. St. Petersburg: Type. I. N. Skorokhodova. 326 p. (In Russ.).
- Smagulov, T. N. (2012). *Kalbasun tower*. Almaty. 158 p. (In Russ.).
- Soboleva, T. N., Bobrova, D. S. (eds.). (2016). *Historical and geographical images of Altai in the works of scientists, travelers and officials of the 18th — early 20th centuries*. Barnaul: Azbuka, 440 p. (In Russ.).
- Surface water resources of the USSR, 15: Altai and Western Siberia, 1/1*. (1969). Leningrad: Gidrometeoizdat. 439 p. (In Russ.).
- Tsyrempilov, N. V. (2018). The owner of Ablaykit. Who and why built a monastery on the Irtysh? *Bulletin of the Eurasian National University. L. N. Gumilyov. Series: Historical Sciences. Philosophy. Religious studies*, 4 (125): 28—53. (In Russ.).
- Zlatkin, I. Ya. (1983). *History of the Dzungar Khanate*. Moscow: Nauka. 332 p. (In Russ.).